

Научная статья
УДК 821.161.1.0
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-270-281>
<https://elibrary.ru/ORTSGI>

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Памятник научной ошибке: еще раз о гибели Кука по Высоцкому¹

© 2024, А.К. Жолковский
Университет Южной Калифорнии,
Лос-Анджелес, США

Аннотация: В своем сравнительно недавнем разборе популярной песенки «Барда» Владимира Высоцкого «Одна научная загадка, или Почему аборигены съели Кука» (Новое литературное обозрение, 2018) автор обнаруживает методологический недостаток: в формулировке темы недостаточно адекватно отражена доминантная роль структурных и семантических свойств монорима в организации текста. Настоящая статья посвящена соответствующему пересмотру старого описания и общим урокам подобного автоэвристического подхода. По результатам предпринятого пересмотра анализа песенки ее месседж предстает, в общем контексте поэтического мира Высоцкого, своего рода фарсовой вариацией на центральную инвариантную тему автора: о «противостоянии независимого протагониста (человека, поэта, спортсмена, волка, микрофона...) агрессивной массе антагонистов (хамов, цензоров, противников, охотников...), пытающихся загнать и уничтожить его». Герой песенки, Джеймс Кук, со всех сторон обложен не только голодными людоедами, но и якобы убедительными резонами для покушения на его жизнь: тремя объявляемыми в тексте открыто и одним подспудным, но тем более неоспоримым, ибо состоящим из цепи монорифм — своего рода *флажков* (из «Охоты на волков» того же автора), за которые ему не вырваться. Таким образом монорим используется в качестве иконической проекции этой структурно-смысловой конструкции. Посвящение статьи памяти Андрея Немзера мотивировано историей научного диалога благодарного автора с уважаемым покойным коллегой.

Ключевые слова: Владимир Высоцкий, Джеймс Кук, закон Парето, описание, тестирование, пересмотр, монорим, загадка, тема и вариации, поэтический мир, иконика, перформанс.

Информация об авторе: Александр Константинович Жолковский — кандидат филологических наук, профессор, кафедра славянских языков и литератур, Дорнзайфский колледж литературы, искусств и наук, Университет Южной Калифорнии, г. Лос-Анджелес, США.

E-mail: alikh@usc.edu

¹ За замечания автор признателен О.А. Лекманову, Марку Липовецкому, В.А. Мильчиной, И.А. Пильщикову и Н.Ю. Чалисовой.

Для цитирования: Жолковский А.К. Памятник научной ошибке: еще раз о гибели Кука по Высоцкому // Литературный факт. 2024. № 4 (34). С. 270–281. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-270-281>

Я на два десятка лет старше покойного Андрея Семеновича и менее всего ожидал, что мне случится писать о нем что-то посмертное. В этом смысле я, напротив, сам рассчитывал на него. Тем более что он не оставлял меня своим критическим вниманием [1; 13; 14; 15], каковое началось с того, что в своем амплуа заведующего отделом критики журнала «Литературное обозрение» (1983–1990) он первым в ходе перестройки напечатал в России что-то мое [4]. Особенно острой, — как говорится, нелицеприятной, — была его рецензия на мою металитературную прозу [15], и потому я рад посвятить ему нижеследующий критический пересмотр своей собственной работы. Жаль, что он не сможет с ним ознакомиться и со свойственной ему требовательностью, ворчливо, но адекватно о нем отозваться. Увы, *de mortuis... nihil*²...

1. Я люблю почти все свои работы, даже очень старые. Правда, задним числом в них обнаруживаются отдельные недостатки: неточности цитирования и датировки, пробелы в знакомстве с литературой вопроса, а то и его фактической стороной, но очень редко — обидные промашки в осмыслении разбираемых текстов. Обидные тем, что подрывают мои притязания на методологическую и эвристическую адекватность исследовательского подхода. Филология — это прежде всего наука (и искусство) понимания, и о том, чего толком не понял, лучше было бы промолчать³.

К счастью, ловить себя мне приходится в основном не на грубых ошибках, а вот именно на промахах — недодуманных формулировках, попадающих не в точку, упускающих что-то важное, игнорирующих существенные черты структуры. Эти промахи по видимости неловко, но по сути приятно потом исправлять, доводя несовершенные разборы до ума и оттачивая свой теоретический инструментарий.

Гораздо позорнее невежественное игнорирование достижений предшественников, приводящее к изобретению велосипеда. Есть в моей научной биографии и такой казус, разбирать его постыжусь,

² О мертвых... ничего (*лат.*).

³ См. «О непонимании»: [7, с. 84–88].

но позволю себе наметить своеобразную апологию подобного поведения.

Спору нет, основополагающую работу надо знать, а не проделывать ее наощупь заново. Но, с другой стороны, не оправдывает ли незадачливого новичка его способность сходу взять да и сравняться с классиком? Изобрести велосипед (или там унитаз) не так-то просто. Велосипед должен и ехать и не падать, и руль у него должен поворачиваться, и цепь работать, и шины быть накачаны, и колеса соразмерны. Потому-то почти до конца XIX в. его так и не изобретали. Как в большинстве своем ничего не изобретают мастера поиздеваться над запоздалыми изобретателями велосипедов. А ведь в нашей работе изобретать, то есть догадываться, что к чему, надо на каждом шагу, — одной ссылкой на классиков не обойдешься.

2. Вернемся, однако, к более скромным, но и более частым промахам — недоработкам по существу. Их ретроспективное осознание возникает в ходе непрерывного мысленного тестирования старых разборов. В очередной раз столкнувшись с цитатой из описанного мной автора (Пушкина, Пастернака, Зощенко), я машинально прикидываю, покрывается ли она моей моделью, как правило, с удовлетворением отмечаю, что покрывается, — и инцидент исчерпан.

Но бывает, что цитата не перестает беспокоить, что-то в ней не сходится с моим готовым ответом, и, значит, модель требует если не пересмотра, то дополнительной шлифовки. Так доделывались анализы «Стансов к Маркизе» Корнеля⁴, «Я в мыслях подержу другого человека...» Лимонова⁵ и моей собственной хохмы о писателе, прочитавшем всего Золя⁶.

3. А с недавних пор меня стала тревожить песенка Высоцкого о Куке, шесть лет назад разобранный в статье в НЛО [5]. Разбор был обстоятельный, по идее, исчерпывающий, но вкуса к любимой песенке он не отбил, и я продолжал время от времени слушать и даже по мере сил напевать ее, внутренне любуясь непререкаемостью своего анализа. Однако в какой-то момент в этом научно-художественном дуэте мне послышались диссонансы, ответственность за которые мог нести, конечно, только я, но никак не Высоцкий. Я стал вслушиваться более внимательно, стараясь определить, где именно

⁴ Ср. ранний вариант статьи [9] — с переработанным [8].

⁵ Ср. первоначальный разбор [12] — с дополнениями к нему в [3].

⁶ Ср. частичный разбор реплики о чтении Золя в [11] — с его продолжением в [6]. См. также специальную статью [10] о проблеме пересмотра прежних анализов.

я сфальшивил, и почувствовал, что что-то, возможно, не совсем в порядке с интерпретацией таких серий, как: *трюка — стука — звука — бамбука — Тюк — темя — и нету Кука*.

Получалось, что передо мной была не столько образцовая статья Жолковского, сколько обычный литературоведческий продукт, каких много, — согласно закону Парето: 80%, — и чтобы перевести это сырье в двадцатипроцентный разряд настоящих результатов, требовалась серьезная коррекция исследовательской оптики. То есть почти все, что нужно, в моем описании уже было, ложных утверждений там не содержалось, но некоторые аспекты общего дизайна песни оставались невыявленными, так что обеднялась ее содержательная трактовка. С одной стороны, дело вроде бы касалось мелких недоговорок, но, с другой стороны, — а тем более в работе о научной загадке, молчащей науке, вариантах разгадки, предположениях и ошибках, — интерпретационные огрехи особенно непростительны.

В своем устном автокомментарии к песенке про Кука Высоцкий, упомянув о ее неудачно сложившейся киносудьбе, говорит, что хочет ее *вылечить* — вернуть ей полноценный исходный вид:

У меня в картине <...> Славы Говорухина <...> «Ветер надежды» <...> была <...> такая шуточная, комедийная песня, которую во время отдыха пели молодые моряки <...>, собравшись на баке <...> Она не очень слышна, а я ее сейчас, как говорится, <...> вылечу <...>, верну ей снова жизнь и спою ее полностью, так, как она была написана для картины <...> как она мыслилась. Песня эта называется <...>: «Почему аборигены съели Кука, или Одна научная загадка». <...> Кук был известный мореплаватель. Он очень как-то <...> был любим аборигенами, дикарями. И вот они его любили и все-таки съели. <...> это бывает <...> так что ничего в этом <...> нового нет. <...> песня написана и вложена в уста одного из героев. Он просто потешает рядом своих сидящих <...> товарищей и поет...⁷

Моя задача отчасти аналогична: я тоже хочу *вылечить* свою старую работу, но путем не консервирующей реставрации, а обновляющей реконструкции.

Наука, которую я представляю и которой пора прервать молчание, это, конечно, структурная поэтика. Из ее репертуара нас будут

⁷ Этот комментарий Высоцкого (а также полный вариант песни) можно прослушать на сайте Rutube: Владимир Высоцкий. Монолог. Кинопанорама в Останкино 22 января 1980 года: [22:15–27:34]. URL: <https://rutube.ru/video/e234d1d758e062f520bbc220df07ddb9/> (дата обращения: 01.03.2024).

занимать: выразительные возможности монорифмовки, иконическое воплощение содержательных тем и адекватное отражение структуры текста в формулировке его темы.

Начну с того, что приведу текст песни, а затем — отрефлексированную выжимку моих комментариев к нему, в общем правильных, но нуждающихся в доводке.

4. Вот текст песни:

Не хватайтесь за чужие талии,
Вырвавшись из рук своих подруг.
Вспомните, как к берегам Австралии
Подплывал покойный ныне Кук,

Как, в кружок усевшись под азалии,
Поедом, с восхода до зари,
Ели в этой солнечной Австралии
Друга дружку злые дикари.

Но почему аборигены съели Кука?
За что — неясно, — молчит наука.
Мне представляется совсем простая штука:
Хотели кушать — и съели Кука.

Есть вариант, что ихний вождь — Большая Бука, —
Сказал, что очень вкусный кок на судне Кука.
Ошибка вышла — вот о чем молчит наука —
Хотели кока, а съели Кука.

И вовсе не было подвоха или трюка,
Вошли без стука, почти без звука,
Пустили в действие дубинку из бамбука —
Тюк прямо в темя! — и нету Кука.

Но есть, однако же, еще предположение,
Что Кука съели из большого уваженья.
Что всех науськивал колдун — хитрец и злюка:
«Ату, ребята! Хватайте Кука!

Кто уплетет его без соли и без лука,
Тот сильным, смелым, добрым будет, вроде Кука!» —
Кому-то под руку попался каменюка —
Метнул, гадюка... И нету Кука!

А дикари теперь заламывают руки,
 Ломают копья, ломают луки.
 Сожгли и бросили дубинки из бамбука, —
 Переживают, что съели Кука [2, кн. 2, с. 227–228].

5. А вот резюме старого комментария:

(1) *...талии — рук... подруг — Австралии — Кук — азалии — зари — Австралии — дикари*: 8-строчный зачин, задающий на примере другой рифмы (-алии) принцип монорифмовки с тавтологическим повтором рифмующего слова (здесь — *Австралии*, а в дальнейшем — *Кука, наука* и *бамбука*) и приблизительным наброском ключевого монорима — на имени героя, но пока что в виде не мужской, а женской рифмы.

(2) *...почему... Кука? — наука — штука — кушать... Кука*: начало главного монорима и первого, самого простецкого решения научной загадки с опорой на один из типов каннибализма, т. н. бытовой, и на фонетическое сходство глагола поедания с именем героя, идущего в пищу (*кушать — Кука*).

(3) *...наука — штука — Бука — трюка — стуча — звука — бамбука — злюка —лука — каменюка — гадюка*: любование, под видом насмешки над словарным запасом полубразованного повествователя, шикарным стилистическим разбросом лексики, привлекаемой к созданию монорима.

(4) *...вариант — что очень вкусный кок... Кука*: выдвижение второго решения научной загадки — утонченно гурманского *варианта* первого, поддержанное соответствующей аллитерацией (*вкусный — Кука*), лексически и фонетически развивающей предыдущую (*кушать — Кука*).

(5) *Ошибка... наука — Хотели кока, а съели Кука: ошибка* — слово, общее для общезыковой и научной речи, и приписывается она не негодному вождю, а его рядовым соплеменникам, продолжая комически разыгрывать тему «народной науки» и фонетическую и семантическую игру слов: *кок*, голландское в русском языке заимствование, — точный этимологический дублет английского *cook* и, значит, имени героя.

(6) *Тюк прямо в темя! — и нету Кука — «Ату, ребята!.. Кука!»*: продолжение монорима на лейтмотивном имени с ассонансами к нему на У внутри строки, использующими «ненаучные» междометия (*тюк, ату*).

(7) *...науськивал колдун — злюка — Ату — лука — будет, вроде Кука! — Кому-то... каменюка — Метнул, гадюка*: нарочито

выисканный набор просторечных рифм к имени героя и ассонансов к нему на ударное *У*, оркеструющий выдвигание третьей научной гипотезы — о магическом причащении к достоинствам поедаемого врага (*Кто уплетет его... Тот сильным, смелым, добрым будет, вроде Кука*).

(8) *...заламывают руки — Ломают копыя, ломают луки*: эпиграф с очередной игрой слов — на условно-театральном заламывании рук, физическом ломании луков и каламбурном, одновременно физическом и вербальном ломании копий, венчающем линию рассмотрения научных гипотез; при этом *руки* замыкают не только главный монорим, но и композицию в целом (вспомним *рук<u> подруг* в зачине).

6. Все это верно, все компоненты структуры, и прежде всего все игры с рифмовкой и каламбуры, вроде бы опознаны и описаны. Чего же не хватает? Говоря очень кратко, эксплицитной формулировки трех вещей:

— конститутивных свойств монорима как готового предмета, определяющих круг его применений в конкретных текстах;

— самого общего соответствия, так сказать, взаимного притяжения между этими свойствами монорима и тематикой данного текста — песни о Куке;

— специфического вклада монорима в структуру и семантику песни, составляющего ее главную художественную находку.

7. Конститутивными свойствами монорима являются:

— его полное, неукоснительное «единство», нанизывание всей цепи клаузул на одну рифму;

— сопряженная с этим выисканность построения, эффект трудновыполнимого *tour de force*⁸.

Эти «словарные» свойства монорима могут ставиться на службу как чисто риторическому повышению выразительности текста, так и прямому иконическому воплощению соответствующих элементов темы. В случае песенки о Куке особенно интересно второе: работа монорима на ее центральную тему.

8. В самом общем плане уместность обращения к монориму поддается «научной» составляющей темы песенки: поиск решения загадки естественно предполагает, что за разнообразными фактами и выдвигаемыми гипотезами стоит одна-единственная, абсолютная,

⁸ Подвиг (*франц.*).

научная истина, о которой наука до поры *молчит*, но которая может быть установлена и проговорена.

Заметим, что вариантов решения загадки в песенке выдвигается несколько, и ни один из них не объявляется окончательным. Мононим в песенке тоже не один: первый (на *-алии*), довольно короткий, вскоре уступает место второму (на *-ука*), гораздо более длинному, игриво изощренному (в частности, за счет привлечения ненаучной просторечной лексики) и явно доминантному. Так что можно ожидать, что разгадку несет именно он, — несет, но эксплицитно не артикулирует, ибо никакой четвертой гипотезы текст песенки не содержит.

9. От общего факта использования мононима перейдем к специфике его места в лабиринте сцеплений песенки. Наличие в ней двух монорифмических серий облегчает задачу. Первая серия обслуживает привычную тему взаимного поедания аборигенов, вторая аккомпанирует перипетиям неожиданного поедания ими Кука. Соответственно, первая тяготеет к экзотическим — географическим и ботаническим — рифмам (*Австралии, азалии*), вторая же сосредотачивается на привязке сюжетных перипетий и научных гипотез к имени героя/жертвы.

Нас, разумеется, интересует вторая серия. Но тем поучительнее представить себе, в порядке мысленного эксперимента, что весь текст целиком мог бы строиться исключительно на первой. Она тоже была бы вполне изобретательной (с такими рифмами, как *реалии, маргиналии, баталии, сандалии, регалии, далии, фекалии, параферналии, аномалии, вакханалии, сатурналии, глоссолалия, микроцефалия, безначалие, глоталии* и *и так далее*) и играла бы с альтернативными вариантами гибели Кука, — но не с фонетическими и семантически-ми свойствами его имени.

Сформулируем же, наконец, вклад, вносимый в смысл песенки вторым мононимом, каковой после всего сказанного представляется самоочевидным:

Кука убили и съели потому, что к этому предрасполагало само его имя, каламбурно созвучное со словом *кок*, глаголом *кушать* и прилагательным *вкусный*, а главное, — со всей серией слов, образующих мононим (от *дубинки из бамбука до каменюки*) и живописующих неотвратимое убийство героя⁹.

⁹ Заметим, что вдобавок к неминуемым У-рифмам и словам с ударным У внутри строк текст пестрит еще и безударными У: *чУжие — крУжок — Усев-ишь — дружкУ — пУстили — дУбинкУ — нетУ — Уваженья — Уплетет — под*

Такова четвертая версия, опирающаяся на веру носителей т. н. «примитивного мышления» в магическую силу имени (*poten est omen; lupus in fabula; легок на помине; не поминай всуе; мандельштамовское трижды блажен, кто введет в песнь имя...*)¹⁰. Впрямую в тексте она не формулируется, но многократно актуализируется, разыгрывается, исполняется, принимает вид перформанса (*is performed*), — по принципу «что мы делали, не скажем, а что делали, покажем», в лукавой переключке с дважды повторенным оборотом *молчит наука*. Молчание — феномен типично языковой. Историческая *наука* у Высоцкого, может быть, и молчит, но его песенка красноречиво показывает и озвучивает, что съели Кука по сугубо лингвистическим — фонетическим, антропонимическим, монорифмическим — причинам.

10. Это должно быть эксплицитно отражено в формулировке темы песенки, которая, таким образом, оказывается типичным металитературным текстом — о магии слова.

А в контексте поэтического мира Высоцкого она предстает фарсовой вариацией на центральную инвариантную тему автора: о «противостоянии независимого протагониста (человека, поэта, спортсмена, волка, микрофона...) агрессивной массе антагонистов (хамов, цензоров, противников, охотников...), пытающихся загнать и уничтожить его». Кук со всех сторон обложен не только голодными людоедами, но и убедительными резонами для покушения на его жизнь: тремя объявляемыми открыто и одним подспудным, но тем более неоспоримым, ибо состоящим из цепи монорифм — своего рода *флажков* (из «Охоты на волков»), за которые ему не выбраться.

Литература

1. Адилов К. [Немзер А.С.] Очень своевременная книга: [Из «Филологических сочинений»] // Сегодня. 1995. № 19 (377). 1 февраля. С. 10.
2. Высоцкий В.<С.> Собр. соч.: в 4 кн. М.: Надежда-1, 1997.
3. Жолковский А.<К.> Заметки о «Поэзии аграмматики» Эдуарда Лимонова // «Лианозовская школа»: (Между барачной поэзией и русским конкретизмом). М.: НЛО, 2021. С. 638–663.

pУкУ — нетУ — заламыва[jУ]т — лома[jУ]т — лома[jУ]т — дУбинки — пережи-ва[jУ]т.

¹⁰ Вспомним также рассуждения отца заглавного героя из XIX главы 1-го тома «Тристрама Шенди» Стерна о магии имен вообще и вредоносности имени *Тристрам* в частности.

4. *Жолковский А.<К.>* Механизмы второго рождения: (О стихотворении Пастернака «Мне хочется домой, в огромность...») // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 35–41.
5. *Жолковский А.<К.>* Наука, поэзия и правда: (К разбору песенки Высоцкого о Куке) // Новое литературное обозрение. 2018. № 6 (154). С. 222–249.
6. *Жолковский А.<К.>* Недостававшее звено // Звезда. 2011. № 12. С. 218–220.
7. *Жолковский А.<К.>* О непонимании и другие виньетки // Новый мир. 2018. № 6 (1118). С. 74–89.
8. *Жолковский А.<К.>* Прекрасная Маркиза // *Жолковский А.<К.>* Выбранные места, или Сюжеты разных лет. М.: КоЛибри, 2016. С. 434–452.
9. *Жолковский А.<К.>* Прекрасная маркиза // Иностранная литература. 2011. № 2. С. 231–240.
10. *Жолковский А.<К.>* Разбор трех разборов: (Автоэвристические заметки) // Homo scriptor: сб. ст. и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна. М.: НЛЮ, 2020. С. 102–121.
11. *Жолковский А.<К.>* Э! — сказали мы с Петром Ивановичем: [Из цикла «Двойная спираль»] // *Жолковский А.<К.>* Осторожно, треножник! М.: Время, 2010. С. 468–472.
12. *Жолковский А.К.* Интертекстуал поневоле: («Я в мыслях поддержку другого человека...») Лимонова // *Жолковский А.К.* Избранные статьи о русской поэзии: (Инварианты, структуры, стратегии, интертексты). М.: РГГУ, 2005. С. 309–326, 580–582.
13. *Немзер А.<С.>* Единство и великолепие: (Тост за Александра Жолковского и его книгу) // Московские новости. 2011. № 64 (64). 30 июн. С. 11.
14. *Немзер А.<С.>* Журналы и мемуары // Время новостей. 2000. № 83. 18 июля. С. 7.
15. *Немзер А.<С.>* О промежуточной словесности: (Письмо А. Н. А-му) // Независимая газета. 1992. № 126 (297). 4 июля. С. 7.

Research Article

A Monument to a Scientific Error: Revisiting Vysotsky's Version of James Cook's Death

© 2024. Alexander K. Zholkovsky
University of Southern California,
Los Angeles, USA

Abstract: In his recent analysis of Vladimir Vysotsky's song "A Scientific Puzzle, or Why Did the Aborigines Eat Up James Cook" (*New Literary Observer*, 2018) the author identifies a methodological shortcoming: the formulation of the song's theme does not fully reflect the dominant role of the properties of monorhyme in the text's design. The article revises these aspects of the previous description and discusses the broader lessons of such a self-heuristic approach. As a result, the song's message appears, in the context of Vysotsky's poetic world, as a farcical variation

on the bard's central invariant: "confrontation between an independent protagonist (a man, poet, athlete, wolf) and an aggressive mass of antagonists (boors, censors, opponents, hunters) who try to corner and destroy him." The song's protagonist, James Cook, is besieged not only by hungry cannibals but also by supposedly convincing reasons for an attempt on his life, three of which are stated in the text, while one remains implicit, yet is undeniable, consisting, as it does, of a chain of monorhymes — akin to the "flags" in Vysotsky's "Wolf Hunt" — through which he cannot break loose. Thus, the monorhyme functions as an iconic projection of this structural-semantic construction. The article's dedication to the memory of Andrei Nemzer is motivated by the history of the scholarly dialogue between the author and his esteemed late colleague.

Keywords: Vladimir Vysotsky, James Cook, Pareto principle, literary analysis, testing, revision, monorhyme, puzzle, theme (message), variations, poetic world, iconicity, performance.

Information about the author: Alexander K. Zholkovsky, PhD in Philology, Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, Dornsife College of Letters, Arts and Sciences, University of Southern California, Los Angeles, USA.

E-mail: alik@usc.edu

For citation: Zholkovsky, A.K. "A Monument to a Scientific Error: Revisiting Vysotsky's Version of James Cook's Death." *Literaturnyi fakt*, no. 4 (34), 2024, pp. 270–281. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-34-270-281>

References

1. Adilov, K. [Nemzer, A.S.] "Ochen' svoevremennaia kniga: [Iz 'Filologicheskikh sochinenii']" ["A Very Timely Book: [From 'Philological Writings']"]. *Segodnia*, February 1, no. 19 (377), 1995, p. 10. (In Russ.)
2. Vysotskii, V.<S.> *Sobranie sochinenii: v 4 kn.* [Collected Works: in 4 books]. Moscow, Nadezhda-1 Publ., 1997. (In Russ.)
3. Zholkovskii, A.<K.> "Zametki o 'Poezii Agrammatiki' Eduarda Limonova" ["Notes on Eduard Limonov's Poetry of Ungrammaticality."]. "*Lianozovskaia shkola*": (Mezhdū barachnoi poeziei i russkim konkretizmom) ["The Lianozovo School": (Between Barracks Poetry and Russian Concretism)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 638–663. (In Russ.)
4. Zholkovskii, A.<K.> "Mekhanizmy vtorogo rozhdeniia: (O stikhotvorenii Pasternaka 'Mne khochetsia domoi, v ogromnost'...')" ["Mechanisms of Rebirth: (On Boris Pasternak's 'I Want to Go Home, to the Vastness...')"]. *Literaturnoe obozrenie*, no. 2, 1990, pp. 35–41. (In Russ.)
5. Zholkovskii, A.<K.> "Nauka, poeziia i pravda: (K razboru pesenki Vysotskogo o Kuke)" ["Science, Poetry and Truth: (About an Analysis of Vladimir Vysotsky's 'A Scientific Puzzle, or Why Did the Aborigines Eat Up James Cook')"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 6 (154), 2018, pp. 222–249. (In Russ.)
6. Zholkovskii, A.<K.> "Nedostavvshee zveno" ["The Missing Link"]. *Zvezda*, no. 12, 2011, pp. 218–220. (In Russ.)
7. Zholkovskii, A.<K.> "O neponimani i drugie vin'etki" ["On Misunderstanding and Other Vignettes"]. *Novyi mir*, no. 6 (1118), 2018, pp. 74–89. (In Russ.)

8. Zholkovskii, A.<K.> “Prekrasnaia Markiza” [“Beautiful Marquise”]. Zholkovskii, A.<K.> *Vybrannye mesta, ili Siuzhety raznykh let* [Selected Places, or Different Years Stories]. Moscow, KoLibri Publ., 2016, pp. 434–452. (In Russ.)

9. Zholkovskii, A.<K.> “Prekrasnaia markiza” [“Beautiful Marquise”]. *Inostrannaia literatura*, no. 2, 2011, pp. 231–240. (In Russ.)

10. Zholkovskii, A.<K.> “Razbor trekh razborov: (Avtoevristicheskie zametki)” [“Analysis of Three Analyses: (Autoheuristic Notes)”]. *Homo scriptor: sbornik statei i materialov v chest' 70-letiiia M. Epshteina* [Homo Scriptor: Collection of Writings and Materials in Honor of Mikhail Epstein's 70th Anniversary]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, pp. 102–121. (In Russ.)

11. Zholkovskii, A.<K.> “E! — skazali my s Petrom Ivanychem: [Iz tsikla ‘Dvoinaia spiral’]” [“Eh! — That’s What Pyotr Ivanych and I Said: [From the Cycle ‘A Double Helix’]”]. Zholkovskii, A.<K.> *Ostorozhno, trenozhnik!* [Watch Out, It’s a Tripod!]. Moscow, Vremia Publ., 2010, pp. 468–472. (In Russ.)

12. Zholkovskii, A.K. “Intertekstual ponevole: (‘Ia v myслиakh poderzhu drugogo cheloveka...’ Limonova)” [“An Involuntary Intertextual: (Eduard Limonov’s ‘I’ll Hold Another Person in My Thoughts...’)”]. Zholkovskii, A.K. *Izbrannye stat'i o russkoi poezii (Invarianty, struktury, strategii, interteksty)* [Selected Writings on Russian Poetry (Invariants, Structures, Strategies, and Intertexts)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005, pp. 309–326, 580–582. (In Russ.)

13. Nemzer, A.<S.> “Edinstvo i velikolepie: (Tost za Aleksandra Zholkovskogo i ego knigu)” [“Unity and Magnificence: A Toast to Alexander Zholkovsky and His Book”]. *Moskovskie novosti*, June 30, no. 64 (64), 2011, p. 11. (In Russ.)

14. Nemzer, A.<S.> “Zhurnaly i memuary” [“Journals and Memoirs”]. *Vremia novostei*, July 18, no. 83, 2000, p. 7. (In Russ.)

15. Nemzer, A.<S.> “O promezhutochnoi slovesnosti: (Pis'mo A. N. A-mu)” [“On Intermediate Literature: (A Letter to A. N. A.)”]. *Nezavisimaia gazeta*, July 4, no. 126 (297), 1992, p. 7. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 01.03.2024
Одобрена после рецензирования: 17.09.2024
Дата публикации: 25.12.2024

The article was submitted: 01.03.2024
Approved after reviewing: 17.09.2024
Date of publication: 25.12.2024